

Фрэнсис Брет Гарт

# Джон Дженкинс



**Фрэнсис Брет Гарт**  
**Джон Дженкинс**  
Серия «Повести-пародии»

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=9014495](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9014495)*

**Аннотация**

«– Одна сигара в день! – сказал судья Бумпойнтер.

– Одна сигара в день! – повторил Джон Дженкинс, с поспешностью бросая под скамейку, на которой работал, свою наполовину докуренную сигару.

– Одна сигара в день – это равно три цента в день, – заметил серьёзно судья Бумпойнтер: – а знаете ли, сэр, сколько составит одна сигара или три цента в день в течение четырех лет?..»

# Фрэнсис Брет Гарт

## Джон Дженкинс, или отученный курильщик.

### *Т. С. Арчера*

– Одна сигара в день! – сказал судья Бумпойнтер.

– Одна сигара в день! – повторил Джон Дженкинс, с поспешностью бросая под скамейку, на которой работал, свою наполовину докуренную сигару.

– Одна сигара в день – это равно три цента в день, – заметил серьезно судья Бумпойнтер: – а знаете ли, сэр, сколько составит одна сигара или три цента в день в течение четырех лет?

Джон Дженкинс в детстве посещал сельскую школу и хорошо знал арифметику. Взяв гонт, лежавший на его рабочей скамье, и вытащив кусок мела, с сознанием собственного достоинства, он сделал полное вычисление.

– Ровно сорок-три доллара и восемь центов, – сказать он, отирая капли пота со лба; лицо его дышало благодушным восторгом.

– Ну, так, сэр, если бы вы откладывали ежедневно три цента, вместо того, чтобы их напрасно тратить, в настоящее время вы бы имели новую пару платья, иллюстрирован-

ную Библию, отгороженное место в церкви, полное собрание Patent Office Reports<sup>1</sup>, книгу гимнов и право на получение Artbor's Home magazine, все это можно приобрести ровно за сорок-три доллара и восемь центов; и, – прибавил судья, делаясь еще серьезнее, – если вы сосчитаете високосный год, который вы, не понимаю почему, забыли, у вас окажутся еще три цента, сэр; *три цента сверх того!* что вы на это купите, сэр?

– Сигару, – скат Джон Дженкинс, и, сильно покраснев, он закрыл лицо рукою.

– Нет, сэр, – сказал судья, и ласковая добродетельная улыбка осветила строгое выражение его лица; употребленные с надлежащею целью, они дадут вам то, чему нет цены. Опущенные в кружку миссионера, эти три цента сделают то, что, может быть, какой-нибудь язычник, находящийся теперь во мраке невежества и греха, благодаря им будет приведен к сознанию своего жалкого положения, своих нечестивых поступков!

Произнеся эти слова, судья удалился, оставив Джона Дженкинса погруженным в глубокие думы.

– Три цента в день, – проговорил он. – Через сорок лет у меня было бы четыреста тридцать восемь долларов и десять центов – и тогда я мог бы жениться на Мери. Ах, Мери! – Молодой плотник вздохнул, и вытащив из кармана жилетки дагерротип в двадцать-пять центов, долго и пламенно глядел

---

<sup>1</sup> Официальные отчеты.

на черты молодой девушки в букмуслиновом платье и с коралловым ожерельем на шее. Затем лицо его выразило твердую решимость, он тщательно запер на замок дверь своей лавки и ушел.

Увы! его добрая решимость запоздала. Мы иногда шутим с фортуною, которая слишком часто защемляет нас у корня и бросает облако несчастья на светлый восход юности.

В эту ночь недокуренная сигара Джона Дженкинса зажгла его лавку и она сгорела вместе с инструментами и материалами. Ничто не было застраховано.

\* \* \*

– Так ты все-таки хочешь выйти замуж за Джона Дженкинса? – допрашивал судья Бумпойнтер деревенскую красавицу Мери Джонс, шутя и с отеческою фамильярностью играя золотыми кольцами её кудрей.

– Да, – ответила красивая молодая девушка тихо; голос её напоминал своею сладостью и твердостью жженный сахар. – Да, хочу. Он обещал исправиться, после того как он лишился, благодаря пожару, всего своего имущества.

– Последствие его дурной привычки, хотя он совершенно против логики обвиняет в этом меня, – прервал ее судья.

– С тех пор, – продолжала молодая девушка, – он старался отвыкнуть от этой привычки. Он говорил мне, что заменил стебли индийского табаку стручьями бобкового расте-

ния, которое называется курительным бобом; кроме того, он собирает окурки сигар, попадающиеся ему иногда по дороге; они менее хороши и крепки, но сравнительно ничего не стоят. – И краснея за свое собственное красноречие, молодая девушка спрятала лицо на плече судьи.

– Бедняжка! – прошептал судья Бумпойнтер. – Можно ли сказать ей все? Однако, я должен это сделать.

– Я буду ему так же верна, – продолжала молодая девушка, поднимая с этими словами головку: – как верна молодая виноградная лоза, крепко обвивающая старую развалину. Нет, нет, не журите меня, судья Бумпойнтер. Я пойду за Джона Дженкинса!

Судья был видимо огорчен. Сев за стол, он поспешно на клочке бумаги написал несколько строк и сунул его и руки нареченной невесте Джона Дженкинса.

– Мери Джонс, – сказал судья с трогательною серьезностью: – примите эту безделицу, как свадебный подарок от того, кто так сильно уважает ваше постоянство и верность. У подножия алтаря пусть напоминает он вам обо мне. – И закрыв поспешно лицо носовым платком, серьезный и обладающий железною волею человек вышел из комнаты. Когда дверь за ним затворилась, Мери развернула бумагу. Это была записка в мелочную лавку на углу отмерять три аршина фи-нели, выдать пачку иголок, четыре фунта мыла, один фунт крахмалу и две коробки серных спичек.

Благородный, добрый человек! – вот все, что могла про-

изнести Мери Джонс, и закрыв лицо руками, разразилась потоком слез.

.....

В Кloverделе раздается веселый звон колоколов. Это свадьба. «Как они оба красивы!» слышится на устах у всех, когда Мери Джонс, стыдливо опираясь на руку Джона Дженкинса, вступает в церковь. Но невеста взволнована, а в женихе заметно лихорадочное беспокойство. Пока они стоят в сенях, Джон Дженкинс шарит озабоченно в кармане сюртука. Не ищет ли он так беспокойно кольцо? Нет. Он вытаскивает из кармана маленький кусочек темного вещества и, откусив немного, поспешно сует его обратно в карман, украдкой озираясь кругом. Наверное никто его не приметят? Увы! двое из участников на свадьбе видели роковую уловку. Джон Бумпойнтер строго покачал головою. Мери Джойс вздохнула и про себя шептала молитву. её муж жевал табак.

\* \* \*

– Что! еще хлеба? – сказал сердито Джон Дженкинс. – Ты постоянно спрашиваешь денег на хлеб. Черт возьми! Ты, кажется, хочешь разорить меня своими прихотями? – и произнеся эти слова, он вытащил из кармана бутылку виски, трубку и сверток табаку. Выпив все до последней капли, он пустил пустую бутылку в голову своего старшего сына, мальчика лет двенадцати. Бутылка угодила ребенку прямо в го-

лову и он упал мертвым на пол. Мистрисс Дженкинс, в которой читатель с трудом узнает сразу веселую и красивую Мери Джонс, взяла на руки мертвое тело своего сына, бережно положила несчастного мальчика у насоса с водою на заднем дворе и, грустно понурив голову, вернулась домой. В другое время, в более светлые дни, она, быть может, разрыдалась бы от этого. Но источник слез уже иссяк у неё.

– Отец, твое поведение предосудительно! – сказал маленький Гаррисон Дженкинс, младший его сын. – Куда, ты думаешь, пойдешь ты после смерти?

– А! – сказал с бешенством Джон Дженкинс: – вот что выходит, когда детям даешь воспитание в либеральном духе; вот результат воскресных школ. Прочь, змея!

Кружка, брошенная отцовскою рукою, уложила еще и маленького Гаррисона. Между тем, четверо младших детей в трепетном ожидании собрались вокруг стола. Громко смеясь, совершенно изменившийся и сделавшийся зверем, Джон Дженкинс вынул четыре трубки и, набив их табаком, подал каждому из детей по трубке, и велел им курить. Это лучше, чем хлеб! – злорадно смеясь, сказал бездельник.

Мери Дженкинс, хотя и очень терпеливая, почувствовала, однако, что теперь она была обязана высказать свое мнение. – Я много вынесла, Джон Дженкинс, – сказала она. – Но я бы предпочла, чтобы дети не курили. Это неопрятная привычка, и марает платье. Я прошу этого, как особенной милости!



Джон Дженкинс колебался – у него появились угрызения совести.

– Обещай мне это, Джон! – настаивала Мери, стоя на коленях.

– Обещаю! – неохотно ответил Джон.

– И ты будешь класть деньги в сберегательную кассу?

– Буду, – повторил её муж: – и брошу также курить.

– Вот и отлично, Джон Дженкинс! – сказал судья Бумпойнтер, неожиданно появляясь из-за двери, где он прятался это время. – Благородно сказано, любезный друг! Развесьте! Я похлопочу о том, чтобы дети были прилично похоронены. – Муж и жена бросились в объятия друг друга.

А Джон Бумпойнтер, смотря на трогательное зрелище, разрыдался.

С этого дня Джон Дженкинс стал другим человеком.

*«Вестник Европы», № 2, 1883*